

ОПЫТ ПОЗНАНИЯ РЕЛИГИИ ОСЕТИН
А.М. ШЕГРЕНА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ АДМИНИСТРАЦИИ
КАВКАЗСКОГО КРАЯ

Б.Б. Бицоти

В предлагаемой статье анализируется публикация А.М. Шегрена, посвященная религиозным верованиям осетин, появившаяся в периодических изданиях «Маяк» и «Кавказ» соответственно в 1843 и 1846 гг. Статья ученого запечатлела как актуальное состояние религиозных верований осетин первой половины XIX в., так и отношение к ним самого автора, сформированное под влиянием господствующих на тот момент теорий происхождения недавно присоединенного к Российской империи кавказского этноса. Не все ритуалы и верования осетин были поняты и описаны ученым правильно. Однако, ввиду отсутствия других подобных исследований, именно формулировки и выводы Шегрена, как об этом свидетельствуют источники, вплоть до конца XIX в. служили одним из основных ориентиров для представителей администрации края в выборе направления религиозно-просветительской политики по отношению к осетинам. Многие осетинские ритуалы и культы нашли свое правильное объяснение лишь в трудах ученых последующего поколения, таких как В.Б. Пфафф, В.Ф. Миллер и Ю.А. Кулаковский. Но, несмотря на все недостатки, ставшие впоследствии очевидными, статья А.М. Шегрена является уникальным источником знаний о религиозных верованиях осетин и заслуживает пристального внимания. Осетия не была единственным местом пребывания ученого во время его командировки на Кавказ, а верования осетин не были основной сферой интереса А.М. Шегрена. Для правильного понимания тональности автора статьи и сделанных им выводов необходимо рассмотрение публикации Шегрена в контексте общекавказских явлений первой половины XIX в.

Ключевые слова: *религия осетин, наследие А.М. Шегрена, статья А.М. Шегрена «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников», легенда о Хетаге, М.С. Воронцов и религиозная политика администрации Кавказского края.*

В среде историков-осетиноведов в свое время возникла дискуссия по поводу авторства статьи «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников» [1], опубликованной в 1846 г. в газете «Кавказ» и подписанной А. Шегреном. Появилось мнение, что данная статья принадлежит на самом деле вовсе не Шегрену, а кому-то другому [2, 18]. Неакадемический тон, ирония и сарказм в адрес обычаев и нравов осетин, сопровождаемые нелестным комментарием – вот истинные причины, дававшие повод уче-

ным усомниться в авторстве данной статьи создателя первой осетинской грамматики, именем которого названа одна из улиц Владикавказа.

Не вызывает сомнения, что автор, называющий кавказских жителей дикарями и свысока комментирующий их “жалкие” верования, прекрасно овладел осетинским языком и смог достаточно хорошо разобраться в местных обычаях и традициях, но очевидно и то, что он на самом деле невысокого мнения как о самих этих культах, так и об их отправителях. Говоря языком христианских образов, человек с именем Андрей, который спустя почти два тысячелетия вслед за Андреем Первозванным оказался на Кавказе, прочитал со страниц периодического издания совсем не ту проповедь, на которую вправе были рассчитывать туземцы.

Возникающий у исследователя когнитивный диссонанс имеет свои причины. Ведь краеведение и институциональная наука со временем успели вылепить из Шегрена чуть ли не образ Прометея, подарившего осетинскому народу грамоту и письменность¹. Такой человек не мог неуважительно рассуждать о религиозных верованиях горцев. Но на Кавказе в этот период, насколько об этом позволяют судить источники, увы, не было другого ученого, кто мог бы так глубоко погрузиться в суть религиозных представлений осетин и ингушей и так точно запечатлеть их традиции и обычаи. Первые публикации на этот счет на русском языке начнут появляться в периодической печати лишь в конце века, но даже они значительно уступают статье Шегрена в глубине проникновения в материал и понимании сути вопроса.

Не встраиваются в канву сотворенного мифа и мотивы, побудившие Шегрена изучать осетинский язык. Если авторство статьи со временем все же перестало быть предметом спора, то причины, побудившие Шегрена отправиться на Кавказ, часто просто вовсе не упоминаются. Дело в том, что интерес к Осетии и ее культуре здесь, увы, вряд ли являлся основным побудительным мотивом. Финно-угористов всего мира на тот момент занимали поиски «большой Венгрии» – следы финно-угорских народностей и языков обнаруживались на Урале, в Сибири, в Европе, а также, по некоторым источникам, на Кавказе. Так, например, в авторитетном на тот момент научном исследовании Яна Потоцкого о народах России под древними скифами понимаются именно финны. Сама этимология слова скиф возводилась автором к греческому написанию имени «чудь» – общему, по мнению Потоцкого, наименованию всех финских племен [3, 20]. Влияние этой теории хорошо прослеживается в труде швейцарца Фредерика Дюбуа, проехавшего по всему Кавказу и Крыму непосредственно перед Шегреном и составившего подробное описание населяющих Кавказ народностей. В рассказе о черкесах Дюбуа, ссылаясь на Потоцкого, выдвигает

гает тезис о связи кавказских этносов именно с финнами, а Владикавказ называет стоянкой древних гуннов [4, 365]. И, хотя рассуждения Дюбуа впоследствии будут опровергнуты, они хорошо иллюстрируют текущие представления ученых о древней истории Кавказа. Ключевое слово было произнесено – теория о том, что не только Урал, но и Кавказ являлся колыбелью финно-угорских народов, как мы видим, витала в воздухе и требовала комментария специалиста. Для получения достоверной картины расселения древних финно-угров, которая вырисовывалась у Шегрена на основе собранного материала, ученому, вероятно, необходимо было подтвердить либо исключить участие финского элемента в этногенезе народов Кавказа, что он в конечном итоге и сделал.

Не стоит упускать из виду, что Шегрен к тому моменту исследовал все интересовавшие его уголки Российской империи, кроме Кавказа. Ученый провел много времени в экспедициях в Карелию и на Урал, собирая лингвистический и этнографический материал. Кавказ, о котором много писалось и где побывали ранее его такие именитые коллеги по академии, как П.С. Паллас и Ю. Клапрот, оставался для знаменитого этнографа и филолога неизведанным. Помимо этого, существовала, конечно же, и материальная сторона вопроса – научные экспедиции щедро финансировались императором. Жалование академика в период утвержденной Николаем I командировки в Крым и на Кавказ составляло тысяча шестьсот рублей в год [2, 43] – вероятно, именно поэтому написанная в итоге Шегреном «Осетинская грамматика» посвящена вовсе не осетинам, а императору Николаю Павловичу. Для сравнения помощник пристава в Осетии получал 100 рублей в год, старшина села – 50 рублей в год [5, 356–357], священник – 200 [2, 256], само горское население, вероятно, довольствовалось еще меньшими заработками.

Вопрос этногенеза осетин на тот момент занимал умы многих исследователей. Теория мидийского происхождения осетин Клапрота, с которой Шегрен был прекрасно знаком, выглядела небезупречно, а ее автор считался бежавшим из России авантюристом. Идея немца о переходе древних иранцев (мидийцев) через Кавказский хребет и основании колонии поселенцев на месте нынешней Осетии не объясняла серьезных различий между осетинским и персидским языками. «Сообщенные Клапротом сведения, – пишет Шегрен, – оставались без надлежащей тщательной проверки» [6, 8]. В военно-политическом же смысле версия Клапрота лишь добавляла проблем – речь шла о наличии в тылу российских войск, стоявших, согласно новому Туркманчайскому договору с Персией, у Аракса, анклава потенциального военного противника – Ирана, отношения с которым были на тот момент все еще сложными и за-

путанными. Вероятность того, что этот народ был причислен к иранцам ошибочно и на самом деле имеет отношение скорее к финно-угорскому миру, никто не исключал, и Шегрену, как видному ученому и главному специалисту в обсуждаемом вопросе, было необходимо высказать свое мнение. Однако, идея о том, что кавказоведение было лишь побочным занятием Шегрена, разумеется, в осетиноведении не прижилась – ведь это разрушало миф о Прометее.

То же касается и темы религиозных верований осетин, которая, несмотря на всю основательность и глубину проработки материала, была не иначе как побочным продуктом лингвистических и этнографических исследований ученого. Возможно, поэтому статья была опубликована не в научном издании, а в периодической печати и обращена, таким образом, не к коллегам, а к простым российским обывателям.

Уже первые строки статьи выдают недоброжелательный тон по отношению к горским народам, характерный для периода острой фазы кавказской войны во время правления Николая I. «При нашей веротерпимости, – пишет Шегрен, – при наших усилиях сколь можно более кроткими средствами образовать этих дикарей, туземцы, худо понимая настоящую цель правительства, сделались в отношении религии ни то, ни се: Мулла свободно кричит при колокольном звоне, кистинский кумир Гальерд покойно стоит в старой оставленной церкви царицы Тамары» [1]. И тон, и выбор лексики автора, вызывающие вопросы, нельзя понять в отрыве от контекста эпохи правления императора Николая I. Кавказские владения империи, после доклада министра финансов Канкрин, воспринимались не иначе как российские колонии [7, 12], и перед местными властями ставилась задача провести учет и начать извлекать из этих колоний доход. Однако организованное горцами сопротивление и последовавшие военные действия раз за разом срывали эти планы.

Интерес к религии горцев был, таким образом, отнюдь не праздным. Он возникает как реакция на серьезные трудности в интеграции Северного Кавказа в лоно русской культуры. Основное внимание царской администрации и главнокомандующего барона Розена в канун приезда Шегрена на Кавказ было приковано к Дагестану, где велась борьба с духовным лидером кавказских мусульман Гази-Мухаммадом, проповедовавшим мюридизм. Уроженец аула Гимры Гази-Мухаммад, объявив себя имамом Чечни и Дагестана и собрав вокруг себя множество сторонников, захватил и разграбил Кизляр, а затем отступил в Гимры, где с отрядом преданных мюридов стал держать оборону. 18 октября 1832 г. аул был взят штурмом войсками генерала Вельяминова, Гази-Мухаммад был убит, но его сподвижнику Шамилю удалось уйти. Потери русских были в разы меньше по-

терь горцев, но сопротивление, вопреки ожиданиям правительства, не прекратилось.

После отъезда ученого с Кавказа в Дагестане начинается новая фаза противостояния. Шегрен публикует свою статью после того, как генерал Граббе с тринадцатитысячной группировкой три раза штурмует дагестанский аул Ахульго, где обороняется новый имам Дагестана и Чечни. После успешных экспедиций Абхазова и Ренненкампа в горы Осетии, а также удачного похода в Гимры царской администрации, вероятно, казалось, что подобная тактика будет эффективна и впредь. Русские, в конце концов, берут аул Ахульго под контроль, но мятежный имам уходит, и сопротивление горцев не прекращается. Напротив, наблюдая происходящее, «(...) разнородные племена Восточного Кавказа, – как писал об этом в своих мемуарах очевидец событий Мусса Кундухов, – начали сливаться с чеченцами в одно целое с готовностью умереть за свою свободу» [8].

В условиях такой политической обстановки ожидать от автора статьи о религии горцев восторга и пиетета не приходится. Постановка проблемы в статье ученого, таким образом, не культурологическая, а скорее военно-политическая. Конечно, Осетия с ее лояльным населением и полицейским порядком, в отличие от Дагестана, в рассматриваемый период была форпостом России на Кавказе, а Владикавказ – хорошо укрепленной крепостью с многочисленным гарнизоном. Об этом, в том числе, красноречиво свидетельствует последовавший вскоре визит во Владикавказ российского императора Николая I. Но, хотя Осетия и представляла собой мирный край, мир этот был не так давно добыт не иначе как силой оружия.

После экспедиции Ренненкампа Южная Осетия была разделена на четыре приставства, управление которыми было поручено чиновникам из грузинского дворянства [9, 425]. Три приставства подчинились горийскому окружному начальству, а четвертое – управляющему по Военно-Грузинской дороге. После экспедиции Абхазова в Северную Осетию единой администрации были подчинены тагаурское и куртатинское общества. Последними приняли присягу жители алагирского общества, в земли которых также направлялся военный отряд. Розеном, как это видно из его докладов, рассматривалась идея последующего объединения Осетии под единым административным началом [9, 426], но планам этим, увы, не суждено было сбыться. Ревизия администрации края императором Николаем повлекла за собой отставку Розена. Спустя недолгий период не вполне удовлетворительного управления генералов Головина и Нейгардта, Николай I отправляет на Кавказ одного из лучших людей, имеющих в его распоряжении – графа Воронцова. Однако вместо запланированного триумфа Воронцов начинает свое правление на Кавка-

зе с поражения – возглавляемая им восемнадцатитысячная группировка, отряженная для разгрома ставки имама Шамиля, аула Дарго, терпит неудачу. Русская армия была вынужденной продвигаться по опустошенной земле ичкерийскими лесами на встречу со свежими частями и нести при этом небывалые потери.

Неудача при Дарго была шокирующей. Как пишет участник экспедиции Кундухов, «русский главнокомандующий и наследный принц Александр Гессенский² были бы у Шамиля военнопленными, если бы он, действуя решительнее, неотступно преследовал разбитого бегущего противника» [8].

Не секрет, что имамат имел свои планы, в том числе и на Осетию, и последовавший рейд Шамиля к Тартупскому минарету это только подтвердил. Как свидетельствует Кундухов, служивший в этот период в русской армии в чине полковника и не терявший при этом связи с горцами, «(...) после Даргинского похода многие из влиятельных лиц в Кабарде и в Тагауре начали переговариваться с Шамилем и, приглашая его к себе, готовили народ к всеобщему восстанию» [8]. Именно в этот сложный период в недавно учрежденной по инициативе Воронцова газете «Кавказ» выходит статья Шегрена о религиозных верованиях осетин.

Решение редакции перепечатать вышедшую годами ранее в газете «Маяк» статью отражает не иначе как настроения в ставке кавказского наместника, где со временем стало ясно, что без понимания сути религиозных представлений горцев интеграция Кавказа в лоно русской цивилизации невозможна. Администрация явно недооценила боевой дух кавказцев и их готовность к сопротивлению. Князь Воронцов (после поражения в Дарго военачальнику был высочайше дарован титул князя) с приписываемой ему основательностью пытается определить направления духовно-просветительской политики вверенного ему края. Правительство хотело понимать, почему «дикари» бросаются на штыки и лезут под пули, за каких таких идолов? «...Горцы, сравнивая нравственную обстановку жизни с жизнью более цивилизованных обществ, – писал впоследствии Пфафф, – дают первой решительное преимущество и нисколько не считают себя ниже нас, но напротив – выше» [10, 72].

Мы наблюдаем подобные изыскания по поручению Воронцова в разных документах периода его наместничества. Люди Воронцова анализируют проблему, с которой им пришлось столкнуться, а именно религиозные мотивы организованного горцами сопротивления – русским в горах Чечни и Дагестана была объявлена ни много ни мало священная война. Именно вследствие этих поручений наместника Норденстрем обращается к изучению обычаев горцев, В.С. Толстой исследует ситуацию, сложившуюся вокруг Осетинской духовной комиссии.

Проблема христианизации осетин, как об этом свидетельствуют источники, воспринималась ставкой наместника достаточно серьезно. Оторванные от реальности отчеты Синода об успешном крещении этого народа и представлении по этому случаю миссионеров к высоким наградам уже однажды сыграли злую шутку с администрацией края. Воронцова интересовало, каково на самом деле было состояние христианства среди осетин, учитывая, что поводов для беспокойства у наместника было достаточно.

Статья Шегрена отвечала на вопросы, интересующие наместника в отношении осетин, рисовала реальную картину их внутреннего мира и объясняла ряд непонятных для русского человека обычаев и ритуалов. «Нельзя не согласиться, – говорил Воронцов, – с тем, что народные обычаи, освещенные веками, суть самые верные документы, и комитет без правильного определения отношений между сословиями не может правильно разобрать ни личных, ни поземельных прав их» [8]. В рамках этой задачи по сбору этнографического материала, вероятно, была вновь опубликована и статья Шегрена.

Ученый собрал подробнейший материал о структуре осетинского языка, объездив для этого вместе с двумя переводчиками несколько осетинских ущелий. Лингвистический анализ Шегрена был, таким образом, куда основательнее, чем его предшественника – Юлиуса Клапрота. «Как известно, – пишет Шегрен, – Клапрот при исследовании сродства народов и языков мало смотрел на самое грамматическое устройство последних (...)» [6, 8]. Однако при этом Шегрен не смог опровергнуть теорию Клапрота о переселении предков осетин на Северный Кавказ из Передней Азии и, скорее всего, разделял его взгляды в этом вопросе – обратное движение ираноязычных народов тогда еще не было открыто.

В центре интересов Шегрена, как мы видим, находился все-таки язык осетин, а не религия, и, возможно, именно поэтому, как следует из очерка автора, не все обычаи и традиции осетин были правильно поняты и описаны ученым. Оставив в стороне политические аспекты религиозно-этнографического труда Шегрена, попробуем обратиться к явлениям, которые ученый просто не смог до конца объяснить по объективным причинам.

В самом начале своей статьи Шегрен вслед за Клапротом сосредотачивает внимание читателей на том, что впоследствии будет названо явлением религиозного синкретизма в среде осетин, когда христианские и мусульманские святые почитаются как языческие идолы и наоборот. «Так перепутаны обряды религиозные в понятии осетин и соседей их, – пишет Шегрен, – христиане, магометане совместно с язычниками одинаково верят могуществу кумиров языческих; сии последние, сами не зная

того, чествуют христианских святых» [11]. «Осетин, – пишет далее Шегрен, – не знает, что такое Иисус и в то же время почитает Михаила Архангела и пророка Илью. (...) Главное его празднество (Св. Ильи (*Уациллы*) – Б.Б.) бывает в Тагаурских горах в ауле Какадур. Там посвящена святому гора, именуемая также Тбав-васила, там живет главный жрец – дзуары лӕг, и производятся гадания» [11]. Распорядитель Уациллы – Святого Ильи, по свидетельству Шегрена, один посвящен в таинства приношения жертв и выбирается преимущественно из одной фамилии из почетных стариков. Другим почитаемым идолом, по свидетельству Шегрена, у осетин является Святой Георгий, который занимает одно из центральных мест в пантеоне богов. Автор запечатлел в своем очерке эту роль осетинского Уастырджи (Св. Георгия), не оставив сомнений о доминировании этого божества среди других. «Ислам, – пишет Шегрен, – не был до конца понят и принят осетинами. Святой же Георгий был известен и почитаем» [11].

То, что у Шегрена кажется непропорциональным и относится на счет смешения стилей, имеет на самом деле свое объяснение. Дело в том, что на момент написания этих строк природа осетинского христианства исследователями Кавказа понималась неправильно. Для христианина XIX в., каким являлся и автор статьи, христианская вера ассоциировалась с учением Иисуса Христа, изложенным в Новом завете. Сама же статья обращена к российскому обывателю – такому же христианину XIX в., изучавшему в школе Закон божий. Но осетины XIX в. были носителями древнего средневекового христианства, которое изначально имело совсем иной характер. Начиная с раннего средневековья как раз таки культ Святого Георгия становится центральным для большинства христианских стран, как католических, так и православных, и речь идет в большей степени о внешних проявлениях культа, а не о тексте легенды, получившем впоследствии распространение. Именно в средневековье на Руси появляется имя Юрий, которое знать получает при крещении³, строятся соборы в честь Св. Георгия, появляются первые изображения святого в виде всадника на белом коне, начинает отмечаться Юрьев день. Именно князь Юрий по прозвищу Долгорукий, по преданию, заложил первый камень Москвы. С тех пор сам город, а позднее и все московское княжество были неразрывно связаны с именем Св. Георгия. Этот же князь, по преданию, построил в 1152 г. Георгиевский собор в городе Юрьев-Польский. Но автору статьи этот нюанс, как следует из текста, пока непонятен. О крещении древней Осетии в средние века священниками константинопольского патриархата в России станет известно гораздо позже – почти через полвека после выхода в свет заметки Шегрена. Поэтому вопрос, затронутый автором, долгое время оставался без объяснения.

Принятое в средние века осетинами христианство сохранилось в рудиментарном виде в условиях полной изоляции горного населения. К моменту выхода статьи Клапротом уже был опубликован календарь осетин, который выглядит как юлианский календарь, принятый в средневековых православных державах. Но объяснение подобным фактам на тот момент пока еще не было найдено. Вплоть до конца XIX столетия ученые считали, что христианство пришло в Осетию из Грузии и проникало в труднодоступные горные места исключительно благодаря грузинским миссионерам. «Грузинские же цари, – говорится в изданной Синодом книге о крещении Осетии, – сколько ни старались поддержать христианскую веру между осетинцами, но все было тщетно. Погруженные в идолопоклонство горские обитатели Кавказа, дикостью нрава, многообразием наречий и суеверий, жадностью корысти и крови непреодолимую поставляют преграду распространению в Азии спасительного учения Христова» [12, 71]. Единственным упоминанием о связи осетинского христианства с Византией к тому времени была публикация Клапрота, но и она содержала по сути ссылку на один единственный источник. Обстоятельные выводы о проникновении христианства к предкам осетин из древней Византии будут сделаны уже после смерти Шегрена – В.Ф. Миллером, Ю.А. Кулаковским, а, следовательно, заданные ученым вопросы пока оставались без ответа.

Особое место в дальнейшем рассказе Шегрена о религии осетин занимают описания популярных святых мест Осетии. «(...) Есть у горцев святые места, – пишет Шегрен, – куда они ходят на поклонение и где при большом стечении народа делаются праздники. Таковы у алагирцев святое место Цомады-Ковзад, у тагаурцев в Санебанском ущелье пещера Фарнегадаг (благодатный овраг, благодатная пещера); к ней собираются во время засухи в том ущелье бабы, девки для молитв и совершения жертв, испрашивающих дождя» [11]. Автор далее приводит первый из известных записанных вариантов осетинской легенды о чуде Хетага – основателя рода Хетагуровых – и объясняет суть культа священной рощи, носящей его имя. «Некоторые леса и рощи, – пишет Шегрен, – посвящены святым. (...) Леса эти неприкосновенны, их можно рубить только тогда, когда, готовясь праздновать святого, коему они посвящаемы, нужно варить пиво. Самый замечательный лесок такого рода находится в тагаурском ущелье в долине Савадаг (черный овраг) на реке того же имени; ореховый лесок этот действительно как бы невзначай забежал на середину безлесного пространства; он называется Кхетажи-кох» [11]. Согласно пересказываемому Шегреном преданию, преследуемый врагами Хетаг искал место для укрытия и обратился к ближайшему лесу с просьбой спрятать его. Герой успел уже смириться со своим поражением, как вдруг от леса отделил-

ся небольшой участок и, двигаясь навстречу беглецу, скрыл его в своей чаще. «В старину, подобные леса, – пишет Шегрен, – пользовались правом давать убежище и защиту (*droit d'asile*), но теперь русские законы извлекают виновного, несмотря на мнимую святость убежища» [11].

Версия возникновения культа рожи Хетага Шегрена здесь отличается от других известных вариантов легенды двумя моментами. Во-первых, у Шегрена отсутствует какой-либо намек на осетино-адыгские отношения, которые в других вариантах находятся в центре легенды. Источники свидетельствуют, что кабардинский князь Хетаг был младшим сыном (по другой версии внуком) Инала. «Хетагуровы, – пишет Пфафф, – отличаются от остальных осетин типом лица, явно напоминающим их кабардинское происхождение (...)» [10, 76]. «Сам Хетаг, – писал Коста Хетагуров, – по уверению его потомков, был младшим сыном князя Инала, жившего за Кубанью, на притоке последней – Большом Зеленчуке» [13]. Автору статьи, однако, судя по всему, неизвестно, что в этих местах в период описываемых событий фактически проходила граница Осетии и Кабарды. Оказавшись на территории осетин, Хетаг был вне опасности и, по преданию, жил в этой роще десять лет перед тем, как переселился в аул Нар, попав в него через Куртатинское ущелье.

Во-вторых, в варианте Шегрена исчезает и всякая религиозная подоплека, которая есть в пересказе других авторов. Согласно одному из вариантов притчи, Хетаг бежал в осетинские горы, не желая принимать ислам. «Приняв христианство, – писал Коста Хетагуров, – Хетаг бежал от преследования своих братьев в горную Осетию» [13]. Жертвой семейной религиозной распри, однако, по преданию, стали его сыновья. Время возникновения культа Святой рожи, где случилось вышеописанное чудо спасения, совпадает со временем исламизации Кабарды.

Однако Шегрен предлагает совершенно иную версию злоключения Хетага. «Однажды, – пишет ученый, – поехал он к неприятелю на воровство, которое ему и удалось, но потом узнали, что Кхета напроказил и за ним погнались» [11]. Религиозная подоплека у Шегрена заменяется преступным умыслом – происходит как бы десакрализация персонажа и самого культа. Здесь необходимо сказать, что Шегрен единственный из писавших об этом авторов [14, 638–641; 10, 77; 15, 347; 16, 114], кто доносит нам известную легенду в таком виде, поэтому подобная интерпретация остается целиком и полностью на совести автора. При этом краеведов и историков больше занимает вероятное осетинское происхождение кабардинского князя, о чем у Шегрена также не сказано ни слова. Так, Пфафф сообщает нам, что Хетаг является внуком Инала, женившегося на дочери осетинского князя [10, 72]. Примечательно в этом смысле и, скорее всего, не случай-

но то, что Хетаг бежит от расправы именно в сторону Осетии, т.е. как бы к своим соплеменникам.

В завершение своего рассказа о религиозных обрядах Шегрен переходит к описанию похорон – важнейшего осетинского ритуала. «Самое большое уважение, – пишет ученый, – всеми горцами оказывается покойникам. Это уважение к усопшим поминками, сопровождаемое расходами на угощение, одинаково разоряет и богатого, и бедного» [17]. Шегрен описывает подробно все изъявления скорби во время похоронного обряда, а также приводит речь, произносимую одним из старших на траурном митинге. «Речь эта так хорошо представляет смесь жалких понятий горцев по всем предметам религии, – пишет Шегрен, – что я решил сделать небольшое отступление и передать ее в буквальном переводе» [17]. Далее ученый воспроизводит напутственную речь покойному, отправляющемуся в загробный мир, и описывает обряд посвящения усопшему коня и различной утвари. Откуда взялись эти ритуалы и что они означают, ученый не поясняет. Связь многих ритуалов осетинских похорон непосредственно с древней скифской традицией для ученых на тот момент была не очевидна, и Шегрен, не будучи специалистом, эту связь тоже не увидел. Первым, кто заметит в осетинских похоронах эхо скифского прошлого, а также во всеуслышание заявит об ираноязычности скифов, станет русский ученый Всеволод Миллер [18, 202–204].

Далее Шегрен рассказывает о поминках, проводимых каждую пятницу после похорон. В суеверном представлении осетин все, что было приготовлено на поминки, есть и на том свете у покойника. При всей подробности и обстоятельности описания похорон и поминок Шегрен и эти древние ритуалы, в которых ему довелось принять участие, не оставляет без иронических замечаний. «На другой день, – пишет автор, – я узнал, что, когда под конец осетины подгуляли порядком, один из пирующих, поссорясь, заколол другого кинжалом. Вот и новые похороны, и опять новые поминки!» [17].

Несмотря на всю иронию и, порой, превратное понимание отдельных деталей осетинских обычаев и верований, статья Шегрена «Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников» является наиболее ярким описанием религиозных представлений осетин в XIX в. Некоторые детали описываемых в статье ритуалов, подмеченные автором, были со временем утрачены и не сохранились ни в быту, ни в преданиях – мы узнаем о них благодаря исследованию Шегрена. В статье впервые на русском языке прозвучали имена исконно осетинских святых, была рассказана легенда о чудесном избавлении Хетага и почитании рожи его имени, дан анализ верований и культов различных осетинских обществ, что делает ее уни-

кальным источником для воссоздания истории осетин и их религиозных представлений. Ирония автора, его бесцеремонное обращение с действиями, носящими для осетин высокий сакральный смысл – следствие, с одной стороны, давления политического заказа, с другой – общего непонимания истоков и нюансов религиозных верований осетин, которые нашли свое объяснение лишь позднее в трудах других ученых, следовавших за Шегреном на Кавказ.

Нельзя не отметить при этом, что сам метод, который использует автор, несомненно, сродни подходу первых деятелей эпохи просвещения. Попытка вывести из мрака на свет все архаичное и осмыслить то, что давно стало привычкой, выдает в Шегрене просветителя, верящего в силу разума и возможность познания. Благодаря таким смелым попыткам науке со временем удалось восстановить покрытое мраком прошлое осетин, достать из небытия целые пласты важного исторического материала. Именно поэтому результаты исследований А.М. Шегрена были высоко оценены потомками, а его вклад в изучение истории и языка осетин никогда не будет забыт.

Примечания:

1. Шегрен создал свою грамматику вовсе не с нуля, как это может показаться на первый взгляд. В его распоряжении уже была грамматика Клапрота и образцы использования кириллического алфавита священником Осетинской Духовной комиссии Гайозом Токаовым.

2. Александр Гессенский и Прирейнский (нем. Alexander von Hessen und bei Rhein) – принц Гессенского дома, брат российской императрицы Марии Александровны. На российской службе числился генералом от кавалерии, а на австрийской – фельдмаршалом-лейтенантом.

3. На Руси князь Ярослав Владимирович (Мудрый) – сын князя Владимира Святославича (из рода Рюриковичей) при крещении был наречен именем Георгий.

1. Кавказ. № 27. 1846.

2. Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен: исследование, тексты / сост. А.И. Алиевой. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 948 с.

3. *Pototsky, J. Voyage dans les steppes d'Astrakan et du Caucase. Paris, 1829. T. 1. 416 p.*

4. *Dubois de Montpéreux, Frédéric*. Reise um den Kaukasus zu den Tscherkessen und Abchassen, nach Kolchis, Georgien, Armenien und in die Krim. Darmstadt: Leske, 1842. Bd. 2. 626 S.

5. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. В 12-ти т. // Архив Главного управления наместника кавказского. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866-1904. Т.7. 994 с.

6. *Шегрен А.М.* Осетинская грамматика с кратким словарем. СПб., 1844. 297 с.

7. Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по Высочайшему соизволению. С-Пб.: Типография департамента внешней торговли, 1836. Ч.1. 403 с.

8. *Кундухов М.А.* Мемуары // Дарьял [сайт]. URL: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus.

9. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. В 12-ти т. // Архив Главного управления наместника кавказского. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866-1904. Т.8. 1009 с.

10. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Т. 5. 398 с.

11. Кавказ. № 28. 1846.

12. История Грузинской иерархии с присоединением обращения в христианство Осетин и других горских народов по 1 января 1825 года. М.: Синодальная типография. 1826. 96 с.

13. *Хетагуров К.Л.* Особа // Коста Хетагуров [сайт]. URL: <http://hetagurov.ru/tvorchestvo/proza/publicistika/osoba.htm>

14. Ирон адæмон сфæлдыстад. Дыууæ томы / под общ. ред. В.И. Абаева. Дзæуджыхъæу: Ир, 2007. Т.1. 719 с. (на осет. яз.).

15. *Уарзиати В.С.* Избранные труды. Этнология. Культурология. Семиотика. Т.1. Владикавказ: Абета, 2017. 552 с.

16. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 5. Тифлис, 1889. 335 с.

17. Кавказ. № 29. 1846.

18. *Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях о быте осетин // Журнал министерства народного просвещения. 1882. № 222. С. 191–207.

Bitsoti, Boris B. – applicant for the degree of candidate of historical sciences, Vladikavkaz, Russia; bitsoti@inbox.ru

A. SJOGREN'S EXPERIENCE OF LEARNING THE RELIGION OF THE OSSETIANS IN THE CONTEXT OF THE POLICY OF THE ADMINISTRATION OF THE CAUCASUS REGION

Keywords: religion of the Ossetians, heritage of A. M. Sjogren, article by A. M. Sjogren «Religious rites of Ossetians, Ingush and their tribesmen», legend of Khetag, M. S. Vorontsov and religious policy of the administration of the Caucasus region.

This article analyzes the publications of A. M. Sjogren devoted to the religious beliefs of the Ossetians in the periodicals «Mayak» and «Kavkaz» in 1843 and 1846, respectively. The article of the scientist reviews both the current state of religious beliefs of the Ossetians in the first half of the XIXth century, and the author's attitude to them, which was formed under the influence of the prevailing theories of the origin of the Caucasian ethnic group recently integrated into the Russian Empire. Not all the rituals and beliefs of the Ossetians were understood and described correctly by the scientist. However, due to the absence of other similar studies, it is the wording and conclusions of Sjogren, as evidenced by the sources, until the end of the XIXth century. served as one of the main guidelines for representatives of the regional administration in choosing the direction of religious and educational policy towards the Ossetians. Many Ossetian rituals and cults found their more correct explanation only in the works of the scientists of the next generation, such as V. B. Pfaff, V. F. Miller and Y. A. Kulakovsky. But despite all the shortcomings that later became obvious, the article by Sjogren is a unique source of knowledge about the religious beliefs of Ossetians and deserves close attention. Ossetia was not the only destination of the scientist during his stay in the Caucasus, and the beliefs of Ossetians were not the main area of interest for A. M. Sjogren. For a proper understanding of the tone of the author and his conclusions, made on the basis of the analysis, we must review Sjogren publications in the context of pan-Caucasian phenomena of the first half of the nineteenth century.

REFERENCES

1. Kavkaz. № 27. 1846
2. Alieva, A.I. (ed.) *Osnovopolozhnik rossiiskogo akademicheskogo kavkazovedeniya akademik Andrei Mikhailovich Shegren. Issledovanie, teksty* [The Founder of the Russian academic kavkazovedeniya, academician Andrey Mikhailovich Sjogren. Research, texts] Moscow, A.M.Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2010. 948 p.
3. Pototsky, J. *Voyage dans les steppes d'Astrakan et du Caucase*. Paris, 1829, vol. 1. 416 p.
4. Dubois de Montpéroux, Frédéric. *Reise um den Kaukasus zu den Tscherkessen und Abchassen, nach Kolchis, Georgien, Armenien und in die Krim*. Darmstadt. Leske, 1842, Bd. 2. 626 p.

5. Berzhe, A.D. (ed.) *Akty, sobrannye Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissiei. V 12-ti t.* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. In 12 vols.]. Tiflis, Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1866-1904, vol. 7. 994 p.

6. Sjogren, A.M. *Osetinskaya grammatika s kratkim slovarem* [Ossetian grammar with short vocabulary]. St.-Petersburg, 1844. 297 p.

7. *Obozrenie rossiiskikh vladanii za Kavkazom, v statisticheskom, etnograficheskom, topograficheskom i finansovom otnosheniyakh, proizvedennoe i izdannoe po Vysochaishemu soizvoleniyu* [Review of the Russian possessions beyond the Caucasus, in statistical, ethnographic, topographical and financial terms, produced and published by the Highest permission]. St.-Petersburg, Tipografiya departamenta vneshnei trgovli, 1836, vol.1. 403 p.

8. Kundukhov, M.A. *Memuary* [Memoirs]. *Dar'yal* [Daryal] [Web-site]. URL: http://biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus

9. Berzhe, A.D. (ed.) *Akty, sobrannye Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissiei. V 12-ti t.* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. In 12 vols.]. Tiflis, Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1866-1904, vol. 8. 1009 p.

10. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. Tiflis, 1871, vol. 5. 398 p.

11. Kavkaz. № 28. 1846.

12. *Istoriya Gruzinskoj ierarkhii s prisoedineniem obrashcheniya v khristianstvo Osetin i drugikh gorskikh narodov po 1 yanvaryu 1825 goda* [History of the Georgian hierarchy with the accession of the conversion of Ossetians and other mountain peoples to Christianity on January 1, 1825]. Moscow, 1826. 96 p.

13. Khetagurov, K.L. *Osoba. Kosta Khetagurov* [Web-site]. URL: <http://khetagurov.ru/tvorchestvo/proza/publicistika/osoba.htm>

14. Abaev, V.I. (ed.) *Iron adæmon sfældystad. Dyuuaæ tomy* [Ossetian folk art. In 2 vols.]. Dzæudzhykh"æu, Ir, 2007, vol. 1. 719 p. (in Ossetian).

15. Uarziati, V.S. *Izbrannye trudy. Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika* [Selected works. Ethnology. Culturology. Semiotics]. Vladikavkaz, Abeta, 2017. vol.1. 552 p.

16. Potto, V.A. *Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografyakh* [The Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies]. Tiflis. 1889, vol. 5. 335 p.

17. Kavkaz. № 29. 1846.

18. Miller, V.F. *Cherty stariny v skazaniyakh o byte osetin* [Features of antiquity in tales of Ossetian life]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of national education]. 1882, iss. 222, pp. 191–207.